

УДК 314

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Е.В. Плоских, В.В. Плоских

Рассмотрены различные теоретические подходы к концепциям второго и третьего демографических переходов.

Ключевые слова: низкая рождаемость; миграция; «постматериалистические» ценности; демографические показатели.

MODERN CONCEPTS OF DEMOGRAPHIC TRANSITION

E.V. Ploskikh, V.V. Ploskikh

Various theoretical approaches to the concepts of the second and third demographic transitions are considered.

Key words: low birth rate; migration; "post-materialistic" values; demographic indicators.

В основном русле демографической теории развитие по-прежнему отображается как последовательность переходов. Вслед за «классической» теорией демографического перехода, сформировавшейся в середине прошлого века, были разработаны концепции второго [1], а совсем недавно и третьего [2] демографических переходов. Выделить основной процесс, его начальное и конечное состояния и трактовать развитие как переход от одного всеобщего состояния к другому, столь же всеобщему – таков подход, положенный в основу названных демографических концепций.

В 70-е годы прошлого века в Западной Европе начались изменения в характере формирования семьи: распространение добрачных и внебрачных союзов, рост внебрачной рождаемости, увеличение возраста вступления в брак. Эти изменения и лежащие в их основе социально-экономические условия и мотивационные сдвиги были названы Д. Ван де Каа и Р. Лестагом вторым демографическим переходом. Разработанная ими теория видит его основу в сдвиге от «материалистических» ценностей (стабильный доход, исправно функционирующее социальное обеспечение, политическая стабильность, закон и порядок) к «постматериалистическим» – «укорененной снизу» (grass rooted) демократии, заботе об окружающей среде, свободе слова, эмансипации, новым политическим идеям. Растущие доходы, экономическая и политическая безопасность, которые демократические государства всеобщего благосостояния обеспечивают своим гражданам, – полагает Д. Ван де Каа, –

способствовали началу "бесшумной революции", сдвигу в направлении "масловиянского постматериализма", при котором сексуальные предпочтения индивида воспринимаются как данность, а принятие решения о внебрачном сожительстве, разводе, аборте, стерилизации и добровольной бездетности в большинстве случаев оставляются на усмотрение индивидов или пар, которых это касается [3]. С началом перехода к рыночной экономике стран, входивших ранее в СССР или советский военнополитический блок, также начались изменения в формировании семьи, сходные с северо- и западноевропейскими.

Позже появились также работы азиатских исследователей, в которых, обсуждался вопрос о начале второго демографического перехода в странах-лидерах азиатской модернизации [4]. Попытка объяснить демографические изменения, происходящие за пределами Запада, используя теорию, созданную для объяснения скандинавских и западноевропейских реалий, была, вероятно, исторически неизбежной. Однако с современных позиций уже можно оценить некоторые ее результаты.

Теория второго демографического перехода, во всяком случае, в ее первоначальной версии, представляла собой внутренне целостное научное построение, отражавшее столь же целостный социально-исторический феномен. В его описании неслучайно присутствовали «демократические государства всеобщего благосостояния», «укорененная снизу демократия» и «постматериалистические ценности». Речь шла не просто об изменении

ях значений демографических показателей (в этом случае вместо теории имел бы место комментарий к статистическому сборнику), а о сдвигах в системе ценностей, порожденных определенной социально-экономической средой и породивших новые особенности демографического поведения.

Подобная целостность теории и объекта, отражаемого ею, затрудняла ее использование для объяснения изменений, происходящих за пределами западных стран. Как быть, например, в ситуации, когда в стране не существует ни «укорененной снизу» демократии, ни государства всеобщего благосостояния, большинство населения руководствуется в своем поведении отнюдь не «постматериалистическими» ценностями, а изменения демографических показателей все равно имеют нечто общее с тем, что происходит на Западе? Выход был найден в замене первоначального определения понятия «второй демографический переход» иным, более широким [5].

В работах С.В. Захарова используются, например, несколько не совпадающих по объему определений второго демографического перехода. Он предполагает, что «в своем демографическом поведении, человек будет руководствоваться, вероятнее всего, нематериалистическими ценностями, "настраивая" индивидуальный календарь демографических событий на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств» [6]. «Второй демографический переход, – пишет Захаров, – связан с не менее фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека, чем первый переход: еще более расширяется свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, еще более ответственным становится подход к последствиям сексуальных отношений, чему соответствует более высокая, чем прежде, эффективность планирования сроков появления потомства» [7].

Руководствуясь этим определением и трактовкой свободы как «осознанной необходимости», ко второму демографическому переходу можно отнести и демографические процессы, происходящие в настоящее время в КНР, и осознанное ограничение рождаемости по причине экономических трудностей, практикуемое сегодня мужчинами и женщинами едва ли не по всему миру. В более позднем исследовании Захарова речь идет уже просто об «эволюции рождаемости в развитых странах, называемой вторым демографическим переходом» [8].

Аналогичный подход применяется также китайскими и корейскими исследователями, задающими вопросом о перспективах второго демографического перехода в своих странах [9]. Прогнозируя, как того требует научная этика, содержание работ Д. Ван де Каа и Р. Лестага, они затем «забывают» и о «демократических государствах всеобщего

благосостояния», и о «сдвиге в направлении "масловианского постматериализма"». От теории второго демографического перехода в этом случае также остается лишь бренд, за которым скрывается новое содержание.

Неявное расширение понятия второго демографического перехода в работах авторов, исследующих современные демографические процессы за пределами Запада, на взгляд ученого М.А. Клупта, неслучайно и свидетельствует о потребности в более широкой концепции изменений в формировании семьи [10]. Причины, по которым эта потребность не указывается, требуют отдельного анализа.

А как быть со «вторым демографическим переходом», название которому демографы дали, наблюдая новую волну снижения рождаемости, повлекшую за собой отрицательный прирост населения практически во всех западных обществах? Этот «второй переход» стал большой неожиданностью для тех, кто считал, что достигнута новая демографическая стабильность. После Второй мировой войны, когда коэффициенты рождаемости возросли, возраст заключения брака снизился, а доля состоящих в браке достигла рекордно высокой отметки.

Как попытка дать адекватное теоретическое объяснение современной и будущей ситуации, возникла гипотеза «второго демографического перехода», происходящего в Европе (сходные идеи выдвигаются также в рамках гипотезы о пятой фазе демографического перехода). Авторы концепции второго демографического перехода Р. Лестег и Д. Ван де Каа доказывают, что современная демографическая ситуация и главная ее особенность – снижение рождаемости ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения – обусловлены принципиально иными причинами по сравнению со снижением рождаемости во время первого демографического перехода.

Основная идея концепции второго демографического перехода была заложена в 1986 г. Ван де Каа утверждает, что с середины 1970-х гг. Европа вступила на новую стадию в ее демографической истории. Он предполагает, что демографический переход XIX столетия необходимо рассматривать как первый переход. «Неожиданные», «запутанные» изменения в демографической ситуации с середины 1960-х гг. отметили начало второго демографического перехода. К этому времени закончился послевоенный «бэби-бум» и утвердилась долговременная тенденция к дальнейшему снижению рождаемости.

Среди исследователей не составлено единого мнения обо всех причинах второго демографического перехода, но преобладает точка зрения, что он является следствием широкого развития инди-

видуалистически ориентированной системы ценностей и соответствующем изменении норм поведения, в том числе и демографического. Происходит значительное увеличение степени свободы как в выборе индивидуальных целей, так и средств их достижения. Ван де Каа рассматривает второй демографический переход как результат движения общественного сознания от консерватизма к прогрессивности, как толерантности и восприимчивости к новым ценностям и моделям поведения.

Затем наступил период, который одним писателем был назван «замечательным стечением обстоятельств», и за короткий период 1963–1965 гг. все показатели семейного благополучия резко снизились. Рождаемость продолжила сокращаться, снизившись гораздо ниже уровня простого воспроизводства, началось массовое отступление от брака.

Голландский демограф Дирк Ван де Каа включает во «второй переход» следующее:

- поворот от «золотого века законного брака» к сожительству и многообразию сексуальных и партнерских структур;
- переход от эры, когда центром семьи были дети, к временам, когда этим центром становится супружеская пара, которая чаще всего делает выбор в пользу рождения только одного ребенка;
- переход от превентивной контрацепции к той, что превращается из средства в самоцель;
- наконец, переход от единой семейной системы, включающей супружескую пару с детьми, к плюрализму семей и домохозяйств, включая стремительный рост семей с одним родителем [11].

Каким же образом демографы объясняют эти перемены? Все сходится на том, что неправильно объяснено улучшение ситуации в 1945–1965 гг. Колдуэлл справедливо считает, что «бэби-бум», имевшие место в Европе, Северной Америке и Австралии, были «ненастоящими». Вернее, они оказались «сложным итогом ранних и почти всеобщих браков в период несовершенства контрацепции» и реализацией рождений, отложенных во время экономической депрессии 1930-х гг. и войной 1940-х гг. [12]. Ван де Каа согласен, что это было вызвано ранними браками и более быстрым появлением первых и вторых рождений. Не сразу стало ясно, что третьи и четвертые рождения продолжали снижаться в большинстве стран [13].

Теоретики Чикагской школы подчеркивали влияние доходов женщин на эти тенденции, утверждая, что «почти в любом возрасте и при любом порядке рождений, чем выше почасовая оплата женского труда, тем меньше вероятность рожде-

ния». К тому же законы равной оплаты, принятые в конце 1960 – начале 1970-х гг., ослабили систему, в которой более высокие доходы мужчин стимулировали рождаемость [14].

Чикагская школа объясняет, каким образом государственное обеспечение может «подорвать» естественную экономику семьи. У состоящих в браке матерей, сразу после рождения ребенка выходящих на работу, вероятность развода в два раза выше, чем среди матерей, остающихся дома после рождения ребенка. Меньшее число детей и позднее их рождение предполагает снижение ожидаемых от брака выгод. Следовательно, падение рождаемости способствует увеличению разводимости и сокращению брачности.

Однако некоторые аналитики считают, что занятость женщин, скорее, – не причина, а следствие «второго демографического перехода». Чикагская школа сводит падение рождаемости к «отдаленным детерминантам», не показывая, как действительно они работают. Факт всеохватности «второго перехода» может подсказать лучшие объяснения. Колеман замечает, что последние островки высокой рождаемости в Европе (например, в сельских районах Швеции и Швейцарии) исчезли после 1965 г. [15]. Ван де Каа показывает, что 97 % датских женщин в возрасте 21 года заявляют об опыте доброго секса, что означает упразднение прежней сексуальной этики. Лестейг и Майкерс отмечают, что только 20 % жителей европейского сообщества старше 18 лет посещают церковь [16]. Рональд Инглехарт констатирует резкое уменьшение количества голосующих за политические партии религиозного толка в Европе после 1963 г., в чем проявляется «молчаливая революция» в европейских ценностях [17].

По мнению Колемана, идеи и ценности могут быть «гораздо важнее, чем казалось» при объяснении «второго демографического перехода». Лестейг считает, что изменения в структуре семьи и брачной рождаемости вовсе не новы. Это всего лишь продолжение «длительного поворота западной идеационной системы от ценностей христианского учения (особенно это касается ответственности, жертвенности, альтруизма и святости долгосрочных обязательств) в сторону воинственного «светского индивидуализма», заботящегося только о своих собственных интересах [18]. Таким образом, *секуляризация* или отход от религиозных принципов вновь оказывается ключевой переменной, но теперь уже в понимании «второго демографического перехода».

Следует подчеркнуть, что ценности нового светского порядка, несмотря на неутраченные дискуссии о них, на практике не являются полным

сосредоточением «свободы» и «выбора». Скорее всего, эта фразеология призвана замаскировать новое и достаточно негативное отношение к детям. Бельгийские исследователи указывают на признаки того, что «европейской молодежи свойственно увеличивающееся разнообразие мнений по отношению к абортam, разводам, а также «родительству», и большинство соглашается с утверждениями типа «ребенку достаточно одного родителя» и «дети больше не являются средством личностной самореализации». Даже те, кто уже стали родителями, сделали это, не задумываясь о религиозных обязательствах, присущих социально-компетентной личности. Толерантность по отношению к альтернативным формам жизни временами доходит до исключения родительства из возможных альтернатив [18].

Ван де Каа обращает внимание на следующий парадокс: появление «совершенной» контрацепции вместо желания иметь в браке детей привело к увеличению желающих жить вне брака, «не опасаясь возникновения беременности, вынуждающей заключение брака» и рождения ребенка. Историк Филипп Арьес, отказавшийся перед смертью от своей концепции «детоцентризма», пришел к выводу, что европейская цивилизация, создавшая в XIV–XIX вв. культ ребенка, в условиях распространения добрачного секса, контрацепции и легальных абортov и рекордно низкой рождаемости радикально изменила свое отношение к детству и теперь на наших глазах социальная роль ребенка исчезает [19, с. 216].

Миграция населения занимает особое место в теории демографического перехода и в концепциях второго и третьего демографических переходов. Отметим, что эволюция этой теории связана именно с изменением места и роли в ней миграции населения: от полного исключения миграционной компоненты до ее ведущей роли в концепции третьего демографического перехода. При этом изначально теория демографического перехода основное внимание уделяла рождаемости, поэтому ее лучше было бы обозначать как концепцию наталистического перехода или как «жизненный переход» (В. Зелинский). И не случайно в 1971 г. появляются две концепции (концепция эпидемиологического перехода А. Омрана и концепция мобильного перехода В. Зелинского), которые превращают ее в универсальную теорию демографического перехода в ее классическом варианте. Более того, будущее демографическое развитие практически всех развитых стран мира связано с миграцией населения. Отсюда возможно появление других сценариев этого развития.

В настоящее время демографы обсуждают концепцию третьего демографического перехода. Впервые этот термин использовал британский ученый Дэвид Коулмен в своей статье «Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемо-

стью: третий демографический переход». В своих последующих работах он продолжает развивать эту концепцию на примере Великобритании и ряда европейских стран. Напомним, что суть концепции заключается в следующих тезисах:

1. Из-за низкой рождаемости в некоторых индустриальных странах происходят быстрые изменения в этническом составе населения развитых стран, возникающие из-за прямых и косвенных эффектов иммиграции. Это особенно стало заметно в последние несколько десятилетий.

2. Прогноз, основанный на правдоподобном допущении, предполагает, что если такое существенное изменение этнического состава населения сохранится, то это приведет к тому, что коренное население станет вначале меньшинством, а затем произойдет «замещение» коренного населения большинства стран Западной Европы пришлым населением [20].

Таким образом, Коулмен видит будущее развитых стран мира в негативном свете: вероятнее всего, произойдет замена европейской цивилизации азиатской, а для того чтобы этого не произошло, Коулмен предлагает следующие меры: 1) повышать рождаемость среди коренных граждан; 2) все больше вовлекать женщин в экономическую жизнь, получая, таким образом, дополнительную рабочую силу; 3) «приостановить или запретить новую миграцию», что, с нашей точки зрения, особенно важно [20].

Литература

1. *Lesthaeghe R.* Twee demografische transitities / R. Lesthaeghe, D.J. Van de Kaa // In *Bevokling Groei in Krimp* / J. Dirk, D.J. Van de Kaa and R. Lesthaeghe (eds.). Van Loghum Slaterus, Deventer, 1986.
2. *Коулмен Д.* Иммиграции и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии // *Миграции и развитие*. М.: Мысль, 2007. С. 12–48.
3. *Van de Kaa D.J.* Anchored Narratives: the Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility / D.J. Van de Kaa // *Populations Studies*, 1996. Vol. 50. P. 425.
4. *Atoh M.* The second demographic transition in Asia. Comparative Analysis and Low Fertility Situation in East South-East Asian Countries / M. Atoh, V. Kandiah, S. Ivanov // *Japanese Journal of Population*. 2004. Vol. 2. № 1; *Leiwen, J.* Has China Completed Demographic Transition? / J. Leiwen // URL: www.iussp.org/Bangkok2002/S02Leiwen.pdf; Matsuo, H. Is Japan's Second Demographic Transition country? Discussion paper / H. Matsuo // *The Second Demographic Transition in Europe*. Bad Herrenalb, Germany. 2001. 23–28 June.

5. *Клупт М.А.* Демографическая повестка XXI в.: теории и реалии / М.А. Клупт // Социол. исслед. 2010. № 8. С. 60–71.
6. *Захаров С.В.* Рождаемость в России: первый и второй демографический переход / С.В. Захаров // Демограф. модернизация, частная жизнь и идентичность в России: тез. докл. М., 2002.
7. *Захаров С.В.* Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход / С.В. Захаров // Отеч. зап. 2005. № 3. С. 124–140.
8. *Zakharov S.* Russian Federation / S Zakharov // From the first to second demographic transition Demographic Research (электронный журнал). 2008. Vol. 19. Art. 24. P. 950 // URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol19/24>.
9. *Leiwen J.* Has China Completed Demographic Transition? // URL: www.iussp.org/Bangkok2002/S02Leiwen.pdf; *Doo-Sub Kim.* Theoretical Explanations of Rapid Fertility Decline in Korea / Doo-Sub Kim // Japan Journal of Population. 2005. Vol. 3. N1.
10. *Клупт М.А.* Демографическая повестка XXI века: теории и реалии / М.А. Клупт // Социол. исслед. 2010. № 8. С. 60–71.
11. *Van de Kaa, D.J.* Europe's Second Demographic Transition... P. 10.
12. *Caldwell J.C.* Theory of Fertility Decline... P. 308.
13. *Van de Kaa, D.J.* Europe's Second Demographic Transition... P. 14.
14. *Ermisch J.* Economic Influences on Birth Rates // National Institute Economic Review. Vol. 126. 1988. PP. 77-78.
15. *Heckman, J.J., Walker J.R.* The Third Birth in Sweden // Journal of Population Economics. 1990. Vol. 3. / P. 296.
16. *Ermisch, J.* The Economic Environment for Family Formation... P. 149–152, 153.
17. Europe's Population in the 1990's / Ed. By D. Coleman... P. 45–47.
18. *Lesthaeghe, R., Meekers D.* Value Changes and the Dimensions of Familism in the European Community // European Journal of Population. 1986. Vol. 2. P. 259.
19. *Inglehart, R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics / R. Inglehart. Princeton, 1977. P. 216.
20. Europe's Population in the 1990's / Ed. By D. Coleman... P. 40.